

Но существование одного человека напоминало Цюй Юйшаню, что эти чувства не так уж прекрасны —

Существование Цуй Нина.

Цуй Нин был найденной им заменой; если оригинал согласится быть с ним, зачем ему тогда обращать внимание на Цуй Нина?

Эта грязная, не умеющая угождать хозяину маленькая мышь — если бы не лицо, похожее на лицо Чжоу Ванчжо, он бы уже давно выгнал Цуй Нина. Теперь он не мог позволить Чжоу Ванчжо узнать о существовании Цуй Нина.

Поэтому Цюй Юйшань мог только сказать:

— Я приму душ позже, не нужно наливать мне воду для ванны. Что ты всё ещё здесь делаешь? После праздников я заплачу тебе за уборку.

Он боялся, что Цуй Нин скажет что-то, что его выдаст, поэтому перед тем, как произнести эти слова, он прикрыл губы Цуй Нина рукой...

Цюй Юйшань молча вдохнул: этот автор жесток.

Это легендарное «поиздевался над женой — мгновенное удовольствие, а потом погонишься за ней — попадёшь на погребальный костёр»?

Нет, это чужая жена, у него даже нет права гнаться за ней.

Цюй Юйшань, разговаривая по телефону, шаг за шагом направился к Цуй Нину. Как описано в оригинале, он поднял руку, прикрыл губы Цуй Нина, а затем произнёс эти невероятно ранящие слова.

Произнося их, Цюй Юйшаню показалось, что он услышал очень тихий смешок.

— Сяо Юй, не будь таким грубым. Он в канун Нового года всё ещё пришёл убираться, это тяжёлая работа, — мягко упрекнул Чжоу Ванчжо Цюй Юйшаня.

Поскольку ночь была очень тихой, настолько тихой, что Цуй Нин услышал слова Чжоу Ванчжо, его лицо, уже побледневшее от слов Цюй Юйшаня, теперь полностью изменило выражение.

Лицо стало белым-белым, но глаза были необычайно чёрными, необычайно яркими. Он резко оттолкнул руку Цюй Юйшаня, развернулся и быстрыми шагами направился в дом. На втором этаже быстро зажёгся свет, вскоре послышались шаги, спускающиеся вниз.

Цуй Нин, с рюкзаком за плечами, с холодным лицом шёл наружу.

Был канун Нового года, да ещё и район вилл; для Цуй Нина поймать такси было почти что невозможной задачей. Как бы Цюй Юйшань ни издевался над Цуй Нином обычно, сегодня ночью он не мог позволить Цуй Нину уйти под утро, поэтому, разговаривая с тем, кто был на другом конце провода, он побежал догонять Цуй Нина.

— Ванчжо-гэ, у меня тут ещё кое-какие дела, я перезвоню тебе позже.

Цюй Юйшань, не дожидаясь ответа Чжоу Ванчжо, первым положил трубку.

Он догнал Цуй Нина.

— Цуй Нин!

Юноша на холодном ветру не оборачивался, упрямо шёл вперёд с опущенной головой. Уличный фонарь удлинял его тень, тонкая длинная тень с рюкзаком за спиной выглядела жалко.

Цюй Юйшань был в домашней одежде, на ногах — домашние тапочки, но сейчас было не до этого; он подбежал вперёд Цуй Нина, перегородив ему дорогу.

— Ты куда собрался среди ночи? Говорю тебе, ночью тут много плохих людей, если тебя схватят, хоть на небо взывай — не поможет.

Цуй Нин игнорировал Цюй Юйшаня, обошёл его и продолжил идти вперёд. Цюй Юйшаню пришлось протянуть руку и схватить Цуй Нина за руку, но как только он прикоснулся, Цуй Нин резко отшвырнул его руку, а взгляд его был подобен взгляду волчонка на врага.

В нём даже была ненависть.

Цюй Юйшань давно не видел ненависти в глазах Цуй Нина; можно сказать, он никогда не видел, чтобы ненависть в его глазах была настолько сильной.

Он онемел: да, только что сказанные слова были очень обидными, но раньше он делал вещи и пообиднее, а Цуй Нин так не реагировал.

Но Цюй Юйшань всё-таки был на семь лет старше Цуй Нина, он знал, что когда у детей случаются приступы упрямства, с ними действительно трудно справиться, поэтому он проигнорировал ненависть во взгляде Цуй Нина, снова схватил его за руку и потащил домой.

— Ладно, не сердись. Сегодня я был неправ, извиняюсь перед тобой, прости. Если ты злишься на меня, не срывай зло на себе. На улице так холодно, машин вообще нет, ты что, до утра будешь идти? Пошли домой, дома можешь злиться как хочешь.

Хотя это был ещё не выросший детёныш, когда он сопротивлялся, его было трудно удержать. Цюй Юйшаню пришлось обнять Цуй Нина и почти что нести его обратно, полуприподняв.

А Цуй Нин от этого объятия Цюй Юйшаня весь застыл, и лишь у порога дома пришёл в себя, снова попытавшись вырваться наружу.

Цюй Юйшань, проворный и зоркий, втолкнул его в дом, затем захлопнул дверь, одновременно говоря:

— Папа спит наверху, ты же не хочешь его разбудить?

Цуй Нин уставился на Цюй Юйшаня, спустя мгновение развернулся и пошёл обратно. Цюй Юйшань подумал, что тот направляется в свою комнату, но увидел, что Цуй Нин идёт к задней двери, и снова бросился за ним.

Боясь разбудить Папу Цюя, он затащил Цуй Нина в маленькую подсобку возле задней двери. Цюй Юйшань редко заходил в эту комнату, закрыв за собой дверь, он протянул руку, чтобы нащупать выключатель, и обнаружил, что свет здесь не работает.

Цюй Юйшань хотел выйти, чтобы поговорить с Цуй Нином в другой комнате, но Цуй Нин вёл себя слишком возбуждённо; в тёмной комнате он всё ещё бросался к двери, пытаясь вырваться наружу. Цюй Юйшань боялся, что их возня действительно разбудит Папу Цюя наверху, поэтому, изо всех сил упираясь телом в дверь, он обнял Цуй Нина.

Буйный юноша, которого он обнял, моментально успокоился. Заметив это, Цюй Юйшань обнял его ещё крепче. В темноте они прижались друг к другу в тесной подсобке, дыхание их было совсем рядом.

— Не сердись, мне не следовало говорить то, что я сказал. Я искренне извиняюсь перед тобой, прости, — Цюй Юйшань осторожно попытался успокоить его и, видя, что тот молчит, добавил:

— Если ты злишься на меня, можешь сделать что-нибудь ещё, только не убегай из дома, ночью слишком опасно.

Едва он закончил говорить, как Цюй Юйшань втянул воздух, и причина была не в чём ином: Цуй Нин вдруг укусил его за шею.

И укусил довольно сильно, так что Цюй Юйшань и воздух втянул, и вздрогнул всем телом. Он хотел оттолкнуть Цуй Нина, но как только он начал давить, Цуй Нин стиснул зубы ещё сильнее, словно пытаясь откусить кусок мяса, испугав Цюй Юйшаня настолько, что тот перестал давить, позволив ему кусать.

Пока Цюй Юйшань молча терпел боль, он внезапно почувствовал тепло на шее — тепло жидкости.

Цуй Нин плакал.

Он довёл Цуй Нина до слёз.

Это осознание заставило Цюй Юйшаня растеряться ещё больше; он не посмел это высказать, только продолжал молчать. Прошло ещё несколько секунд, зубы на его шее разжались, и Цуй Нин отстранился.

Цуй Нин опустил голову, голос его был хриплым.

— Отойди.

— Ты... — Цюй Юйшань запнулся.

— Я пойду спать наверх.

Цюй Юйшань замешкался, молча посторонился и открыл дверь. Цуй Нин быстро выпорхнул наружу; поскольку он шёл с опущенной головой, Цюй Юйшань лишь при свете, проникавшем снаружи, мельком увидел покрасневшие уголки его глаз.

Цуй Нин, как и сказал, больше не пытался уйти, но и не разговаривал с Цюй Юйшанем, молча поднялся наверх, закрыл дверь и больше не выходил.

Цюй Юйшань уставился на закрытую дверь наверху, чувствуя тяжесть в голове, подумал, что для начала стоит принять душ, чтобы успокоиться. И после этого душа он не только забыл об оставшейся на кухне посуде, но и забыл перезвонить Чжоу Ванчжо.

Тем временем Цуй Нин в комнате уже вышел из ванной после душа. С безразличным лицом он

подошёл к кровати, вытирая волосы и поправляя постель. Поправляя подушку, он внезапно увидел что-то красное.

Рука невольно замерла.

Цуй Нин убрал подушку и обнаружил два красных конверта.

На конвертах были надписи: на одном — «Цянь Нину на подавление возраста», на другом — «Подавление возраста». Почерк различался, значит, писали разные люди.

Цуй Нин долго смотрел на эти два конверта, затем снова накрыл их подушкой.

*

В первый день Нового года Папа Цюй увидел на кухне сюрприз, но не стал ругать Цюй Юйшаня. Вчера он, находясь наверху, смутно слышал звуки фейерверков внизу, подумал, что Цюй Юйшань, наверное, устал от игр, поэтому и не помыл посуду.

Его больше беспокоили отношения между Цюй Юйшанем и Цуй Нином. Несколько дней назад он заметил, что между ними что-то не так, надеялся, что после праздников станет лучше, но кто бы мог подумать, что в первый день Нового года атмосфера между ними стала ещё страннее.

Папа Цюй хотел их примирить, но когда он спрашивал каждого по отдельности, оба отвечали, что ничего не произошло, и ему пришлось оставить эту затею.

Незаметно наступило шестое число первого месяца, и у Цуй Нина начались занятия в школе.

В день начала занятий у Папы Цюя были дела: он давно договорился со своим старым другом поехать на рыбалку за город, поэтому не смог отвезти Цуй Нина в школу, и только Цюй Юйшань один отвёз Цуй Нина в школу.

Эта школа для пересдачи была очень известной средней школой в городе, но в ней были не только классы для пересдачи, там также учились с первого по третий классы старшей школы. Благодаря хорошей репутации многие богатые люди старались устроить своих детей в эту школу.

То есть в этой школе училось много детей из богатых или знатных семей.

Цуй Нин учился на пансионе, домой можно было возвращаться только в субботу после обеда, а к семи вечера в воскресенье нужно было вернуться в школу на вечерние занятия.

С тех пор как произошёл тот случай в канун Нового года, Цюй Юйшань немного не знал, как себя вести с Цуй Нином, и теперь, когда тот уезжал в школу, он, по правде говоря, вздохнул с облегчением.